

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

ФРАНЦУЗСКИЙ ГУМАНИСТ В НОВОМ СВЕТЕ:

ЖАН ДЕ ЛЕРИ

Жан де Лери (1536–1613) — французский путешественник и писатель, известный, прежде всего, как автор «Истории путешествия в Бразилию», изданной в 1578 году в Париже. Уроженец Бургундии скромного происхождения, он освоил ремесло сапожника и перешел в протестантское вероисповедание прежде чем ему представился случай отправиться в Бразилию по приглашению вице-адмирала Николя де Виллеганьона, основателя колонии «Антарктическая Франция».

Форт Колиньи, наскоро возведенный на необитаемом острове в заливе Гуанабара (Рио-де-Жанейро) поселенцами, прибывшими в Бразилию вместе с Виллеганьоном в 1555 г., с самого начала задумывался как убежище для преследуемых на родине французских протестантов (гугенотов). Николя Дюран де Виллеганьон возглавил колонию в качестве губернатора. Свобода вероисповедания была возведена в ней в принцип, и среди колонистов находились как католики, так и протестанты. В 1556 г. Виллеганьон отправил в Европу корабль для того, чтобы пополнить колонию новыми поселенцами, в том числе протестантского вероисповедания.

Один из людей Виллеганьона получил задание отправиться в Женеву, где Кальвин организовал протестантскую республику, и где с 1552 г. проживал Жан де Лери, чтобы завербовать там проповедников-кальвинистов, способных наставить в протестантской вере колонистов и его самого, а также разъяснить индейцам путь к спасению. Жан де Лери оказался среди четырнадцати протестантов, которые бравируя неизвестность и подстергавшие их в Новом Свете опасности,

отправились из Женевы 10 сентября 1556 г. в направлении французского порта Онфлёр, откуда отплыли в направлении Южной Америки.

7 марта 1557 г., после сложного перехода через Атлантику, Жан де Лери вместе с остальными кальвинистами высадился в Бразилии. Однако новоприбывшие не ужились с католиками, и некоторое время спустя после прибытия новых колонистов в форте Колиньи начались трения на религиозной почве. В октябре протестанты оказались изгнаны с острова, на котором располагался форт Колиньи, на побережье, где вынуждены были провести два месяца в обществе дружелюбно настроенных индейцев племени тупинамба. 4 января 1558 г. состоялось отплытие Жана де Лери назад в Европу. Французская колония в Бразилии просуществовала еще девять лет, и в 1567 г. подверглась разрушению португальцами, возмущенными присутствием чужестранцев на территории, которую считали своей.

Двухмесячное пребывание среди индейцев племени тупинамбо позволило Лери сделать массу интересных наблюдений, в том числе он стал свидетелем практиковавшегося среди дикарей каннибализма. По возвращении в Европу, он дважды принимался записывать свои наблюдения для последующего их издания, но дважды терял рукописи. В результате, первое издание его «Истории путешествия в Бразилию» появилось лишь в 1578 г., по прошествии более двадцати лет после того, как он с группой кальвинистов высадился в заливе Гуанабара. О необычайном успехе книги среди современников Жана де Лери свидетельствуют пять ее переизданий при жизни автора, последовавших одно за другим в 1580, 1585, 1599 и 1611 гг.

Чем же так привлекли современников Лери его воспоминания? Кроме описания быта колонистов «Антарктической Франции» и рассказа о теологических спорах между католиками и протестантами, в которых, впрочем, автор винил Николая де Виллеганьона, не сумевшего твердо определиться со своими религиозными предпочтениями, в книге содержатся интереснейшие сведения об индейцах племен маргайя, уэака, тупинамба и их образе жизни. Среди многочисленных аспектов жизни индейцев, затронутых в книге Лери: их верования, их манера раскрашивать себе тело, общаться, веселиться, ловить рыбу, воевать и обращаться с пленниками, захваченными во время военных действий против соседних племен. К тому же рассказ Лери сопровождали сделанные им рисунки с натуры, будь то пиршествующие аборигены или экзотические растения и животные Южной Америки, как тапир или ананас.

В ходе своего повествования Лери довольно часто проводил параллели между аборигенами и европейцами, которые свидетельствовали не в пользу последних. По собственному признанию автора, впоследствии, после возвращения в Европу, он часто сожалел о том, что покинул общество дикарей, в которых нашел больше открытости и искренности, чем среди христиан. И даже распространенные среди аборигенов и вызывавшие отвращение среди европейцев практики антропофагии, если и вызывали у Лери осуждение, все же понимались им как традиционные и воинственные ритуалы поедания врагов из мести. Куда хуже, на его взгляд, выглядели беспричинные и жестокие убийства кальвинистов, которым предавались католики во Франции!

Присущий Лери «добрый» взгляд на дикаря, уважительное отношение к ритуалам и культам аборигенов Америки, как и стремление непредвзято рассказать об их быте и нравах в то время, когда они еще не вошли в непосредственное столкновение с европейской цивилизацией, заслужили ему высокую оценку не только современников, но и потомков. Универсальное значение воспоминаний Лери как свидетельства из первых рук, без всякого сомнения, оказало влияние на Мишеля Монтеня в ходе его работы над главой «Каннибалы» в «Опытах» (1580). И в наши дни «История путешествия в Бразилию», основанная на путевых заметках и дневнике, расценивается как один из шедевров французской литературы путешествий XVI века. Собранные Лери сведения получили, в частности, высокую оценку знаменитого этнолога XX века Клода Леви-Стросса, посвятившего им несколько страниц в «Печальных тропиках» (1955) и назвавшего их «настойной книгой этнологии».

Ниже приводится перевод двух глав из «Истории путешествия в Бразилию» Жана де Лери, в первой из которых описываются обстоятельства, при которых автор впервые воочию увидел индейцев, в то время как во второй речь идет об очень кодифицированном ритуале антропофагии, который многими деталями напоминает современные фермерские технологии откармливания гусей или фазанов на мясо.

Вступительная статья к.и.н., доцента Т. Н. Гончаровой

Жан де Лери. История путешествия в Бразилию. Под ред. Каролин Трото. Париж: Фламмарин, 1998. (1-е изд. 1578)¹. Глава V. С. 45–50; Глава XV. С. 81–88.

Глава V

Об открытии и первом впечатлении, полученном от Вест-Индии или земли Бразилии, а также от дикарей ее населяющих

Впоследствии западный ветер стал благоприятным для нас и так постоянно гнал нас по курсу, что 26 февраля 1557 г. примерно в восемь часов утра мы увидели Вест-Индию, землю Бразилии, четвертую часть света и неизвестную древним, иначе называемую Америкой, по имени того, кто около 1497 г. открыл ее первым². Итак, не стоит спрашивать, испытали ли мы радость от того, что увидели себя столь близко от места, к которому плыли, полные надежды вскоре сойти на берег, мы от всего сердца воздали хвалу за то Господу Богу. И действительно потому, что прошло почти четыре месяца с тех пор как мы постоянно находились в открытом море, подверженные всем ветрам и штормам, нам часто приходило на ум уподоблять наше положение с положением изгнанных, и мы думали уже, что нам не суждено приплыть к берегу. После того как мы хорошо понаблюдали и ясно увидели, что открытое нами было твердой землей (поскольку на море нередки заблуждения вследствие исходящих паров), имея благоприятный ветер и взяв курс прямо на нее, с этого самого дня (наш адмирал шел впереди) мы к ней приблизились и бросили якорь в полумиле от земли и чрезвычайно гористой местности именуемой дикарями *Ювассу*. Тогда, опустив на воду шлюпку и, в соответствии с принятым при приближении к земле ритуалом выстрелив несколько раз из пушки, чтобы предупредить жителей о нашем прибытии, мы тут же

¹*Jean de Léry. Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil. Présentation par Caroline Trotot. Paris: Flammarion, 1998. (1ère édition 1578).*

²Жан де Лери считал Америго Веспуччи, а не Христофора Колумба первооткрывателем Америки. Это довольно распространенная во второй половине XVI века ошибка, вследствие которой за Новым Светом (Вест-Индией) закрепилось название Америка. Данный казус показывает, что открыть новую землю недостаточно, необходимо, чтобы общество осознало факт открытия, чего не случилось в 1507 г., когда немецкий картограф Вальдземюллер, нанеся новый континент на карту, назвал его Америкой, так как ничего не знал о путешествиях Колумба.

увидели большое количество диких мужчин и женщин на берегу моря. Однако поскольку (как признали некоторые из наших матросов, которые некогда путешествовали в этих краях) они принадлежали к народности называемой *маргайя*, дружественной португальцам, и вследствие этого настолько враждебной к французам, что если бы они имели нас в своей власти, то от нас не потребовалось бы никакого выкупа, поскольку мы были бы тотчас же убиты и разрезанные на кусочки пошли бы им в пищу. Мы начали тогда также замечать, а на дворе стоял месяц февраль (когда по причине холода и обледенения все замерло и почти по всей территории Европы спрятано в чрево земли), что леса, перелески и травы этого края столь же зеленеющие, каковыми бывают они в нашей Франции в месяцы май и июнь, причем так обстоят дела в течение всего года и во всякий сезон на этой земле Бразилии.

И все же, несмотря на враждебность наших *маргайя* по отношению к французам, которую и они, и мы скрывали, как могли, наш контрмэтр, который умел немного изъясняться на их языке, в сопровождении нескольких матросов севших в лодку, поплыл к берегу, на котором мы все еще видели эти внушительные толпы собравшихся вместе дикарей. Все же наши люди, не слишком доверяя им, чтобы избежать опасности, при которой они могли бы быть захвачены и *буканированы*³, то есть поджарены, держались на дистанции не меньшей дальности стрельбы из лука. Так они показали им издали ножи, зеркала, гребни и другие безделушки, в обмен на которые выкрикивая их названия, попросили у индейцев провизии. Как только те, приблизившись насколько было возможно, услышали это, то без дальнейших разговоров, вместе с другими поторопились пойти за ней. Так что наш контрмэтр по возвращении привез нам не только муку, изготовленную из корня и употребляемую дикарями в пищу вместо хлеба, ветчину и мясо некоего вида кабана, вместе с другими съестными припасами и фруктами в большом количестве произрастающими в стране, но также, для того, чтобы отдать их нам в дар, и чтобы выразить гостеприимство, шесть мужчин и одна женщина бесстрашно сели в лодку и поднялись к нам на борт корабля. И поскольку это были первые дикари, которых я увидел вблизи, то как вы догадываетесь, я рассматривал и созерцал их со всем возможным вниманием, хотя и оставляю за собой право дать подробное их описание и характеристику в другой более подходящей части повествования. [...]

³Буканировать от фр. слова *boucaner* — коптить мясо или рыбу.

Однако до того как индейцы покинули нас, мужчины и главным образом два или три старика, имевших вид более всех почитаемых в своем приходе⁴ (как у нас говорят), толкуя, что в их крае имеется самое красивое во всей стране дерево бразил⁵, которое они обещали помочь нам срубить и доставить на корабли, снабдив нас при этом провизией, сделали все, что могли, чтобы убедить нас тут же загрузить наши корабли ценным товаром. Но поскольку в качестве врагов, каковыми они являлись, как мною было упомянуто выше, их целью было завлечь нас посулами и вынудить сойти на берег, чтобы как только мы оказались бы в их власти разрезать нас на куски и съесть, и поскольку к тому же мы шли в другое место, мы поостереглись и не стали задерживаться.

Итак после того как с большим восхищением наши *маргайя* осмотрели нашу артиллерию и все, что им хотелось на нашем корабле, мы из почтения и страха перед опасными последствиями (в особенности с тем, чтобы другие французы, которые ничего не подозревая, прибыв сюда, не подверглись бы мщению), не желая оскорбить их ни удерживать, поскольку они изъявляли желание вернуться на землю к своему народу, который все еще дожидался их у берега моря, решили заплатить им и отблагодарить за провиант, который они нам доставили. И поскольку они между собой совсем не пользуются монетами, наша им плата состояла в рубашках, ножах, рыболовных крючках, зеркалах и других товарах пригодных для торговли с этим народом. Но для того, чтобы хорошо закончить встречу, точно так же как эти славные люди, совершенно голые, по своему прибытию не поскупились показать нам все, что при них было, так и при отбытии, облачившись в рубашки, которые мы им дали, они усаживаясь в лодку (не имея привычки носить белье, ни другие предметы одежды), для того, чтобы не испортить их, подворачивая их до пупка, и открывая то, что следовало бы скрыть, пожелали еще, прощаясь с нами, чтобы мы увидели их зад и ягодицы. Вот уж честные посредники и превосходная вежливость для послов, не правда ли? Поскольку, несмотря на столь хорошо известную поговорку, которую все у нас повторяют без умолку, а именно, что плоть ближе и дороже рубашки, они, напротив, для того, чтобы показать нам, что пренебрегли этим соображением, и быть может

⁴В данном случае Лери называет приходом индейское селение.

⁵Дерево бразил (*Pau Brasil*), получило свое название за красный цвет древесины («бразил», то есть «раскаленные угли»), дав свое наименование Бразилии.

для демонстрации щедрости их страны в отношении нас, показывая нам зад, предпочли рубашки своей плоти. [...]

В первый день марта мы подошли к маленьким Басс, то есть подводным камням и островкам земли вперемешку с низкими скалами, выступающими в море, которые моряки, из страха, чтобы их корабли на них не напоролись, избегают, отдаляясь от них насколько возможно.

В месте скопления этих Басс мы обнаружили и с ясностью разглядели равнину примерно в пятнадцать лье длиной, которой владеют и на которой обитают *уэтака*, дикари столь свирепые и странные, что не могут оставаться в мире друг с другом, пребывая в состоянии постоянной и открытой войны, как против всех своих соседей, так и против иностранцев в целом. [...] Короче, эти чертенята *уэтака* оставаясь непобедимыми на данной небольшой местности, и к тому же, как собаки и волки, употребляя в пищу сырое мясо, их язык не будучи понятен соседям, должны быть помещены в разряд наций наиболее варварских, наиболее жестоких и внушающих наибольший ужас, которые только могут отыскаться во всей Вест-Индии и на земле Бразилии. К тому же, поскольку они не ведут никакого обмена, и не хотят его вести с французами, испанцами, португальцами, ни с какой иной европейской нацией, по этой причине они игнорируют наши товары. [...]

Мы плыли с такой быстротой, что в воскресенье седьмого марта 1557 г., оставив открытое море слева, с востока вошли в рукав моря и реку с соленой водой, именуемую дикарями *Ганабара*, а португальцами *Женевр*, поскольку, как об этом сказывают, они обнаружили ее в первый день января, который так у них называется⁶. [...] Найдя Виллеганьона⁷, обосновавшегося с прошлого года на маленьком острове расположенном в этом морском рукаве, после того как с расстояния в почти четверть мили мы его поприветствовали выстрелами из пушки, а он со своей стороны нам ответил, мы наконец смогли остановиться и встать на якорь поблизости. Вот в целом какова была наша навигация и что с нами приключилось и что мы увидели по пути к Бразилии.

⁶Речь идет о заливе Гуанабара (Рио де Жанейро). Залив связан с Атлантическим океаном проливом, который при открытии в 1500 г. португальцы ошибочно приняли за реку.

⁷Николя Дюран де Виллеганьон (1510–1571) — французский флотоводец и вице-адмирал Бретани, который при поддержке адмирала де Колиньи и с санкции короля Генриха II основал в 1555 г. французскую колонию в Бразилии, получившую название «Антарктическая Франция» и просуществовавшую до 1567 г.

Глава XV

О том, как американцы обращаются со своими военнопленными, и церемониях, которые они соблюдают как для того, чтобы их убить, так и для того, чтобы их съесть

Остается теперь узнать о том, как относятся к пленникам захваченным на войне в стане их врагов. Как только они там оказываются, их не только кормят лучшим мясом, какое только можно найти, но также дают женщинам мужчинам (а не мужей женам), тот, у кого окажется пленник, не откажется даже дать ему свою дочь или сестру для брака [...]. Тем не менее, после того, как их откормят как боровов в корыте, их в конечном счете прибавают и съедают со следующими церемониями.

Во-первых после того как все селения поблизости от того, где окажется пленник будут оповещены о дне экзекуции, мужчины, женщины и дети придут в селение со всех концов, утро пройдет в танцах, в попойках и празднованиях⁸. Даже виновник этого сборища, зная что вскоре погибнет, будет покрыт перьями и, не испытывая никакой грусти, напротив, прыгая и предаваясь питью, будет самым веселым. И все же после того как вместе с другими он таким образом повеселится и попойет шесть или семь часов кряду, двое или трое самых уважаемых мужчин из собравшихся схватят его за руки и повяжут поперек тела хлопковыми веревками или другими сделанными из коры дерева, которое они называют *yvire*, похожими на нашу пеньку, при том что он не оказывает никакого сопротивления, хотя ему оставляют свободными обе руки. В таком виде его проведут как трофей по поселку. Но думаете ли вы, что по этой причине (как сделали бы преступники у нас) он опускает голову? Ничуть не бывало: напротив, с невероятной отвагой и самоуверенностью, хвалясь бывшими своими достижениями, он скажет тем, кто держит его повязанным: «Я самолично, будучи храбрецом, в прошлом так связывал с помощью гарроты ваших родственников»⁹. Потом все больше приходя в экзальтацию, с тем же присутствием духа, поворачиваясь во все стороны, он скажет одному: «я съел кусок твоего отца», другому «я убил и *сжарил* твоих братьев, короче добавит он, в целом, я съел столько мужчин, женщин и даже детей

⁸В оригинале употреблен глагол *caouiner*, что означает праздновать, что состояло главным образом в распитии *caouin* — ферментированного напитка аборигонов Южной Америки.

⁹В оригинале употреблен глагол *garroter*, что означает крепко повязать с применением гарроты — петли с палкой, служившей для удувливания жертвы.

тупинамба¹⁰, захваченных на войне, что не могу сказать сколько их было, а в остальном не сомневайтесь, что в отместку за мою гибель, маргайя, к которым я принадлежу, съедят еще впоследствии столько сколько смогут поймать».

В конечном счете после того как он будет таким образом выставлен на всеобщее обозрение, [...] ему приносят камни и черепки старых разбитых горшков или того и другого вместе, потом двое что держат веревки, из страха получить увечья накрываются каждый одним из щитов сделанных из кожи тапира, о котором мною сказано в другом месте, и говорят ему: «отомсти за себя перед тем как умрешь»; так что он бросает с силой и энергией камни и черепки в тех, кто стоит сгруппировавшись вокруг него, в некоторых случаях в количестве трех или четырех тысяч человек и не спрашивает есть ли среди них раненые. [...]

Продолжим рассказ. После этих выяснений отношений, и чаще всего еще во время беседы, тот, кто присутствует там с целью совершить убийство, поднимает свою деревянную дубину двумя руками и с такой большой силой ударяет ее округленным концом бедного пленника по голове, что это напоминает то, как мясники у нас забивают скот, мне приходилось видеть тех, кто с первого удара падали замертво, не шевеля ни рукой ни ногой. [...]

В этом случае, сразу после того как пленник будет таким образом убит, если у него была жена (как я сказал, некоторым дают жен), она размещается рядом с телом и немного его оплакивает; я говорю, что она немного его оплакивает, поскольку ее слезы напоминают крокодилы — так как, убив человека, крокодил плачет рядом с ним прежде чем его съесть — точно так же, после того как эта женщина выразит таким образом свои сожаления и выдавит из себя несколько слезинок над телом своего мертвого мужа, если представится возможность, она будет первая, кто бросится его поедать. После этого, другие женщины, и главным образом старухи (которые горя большим желанием отведать человеческой плоти, чем молодые, упрашивают беспрестанно всех, у кого есть пленники, совершить над ними скорейшую расправу) предстают с горячей водой, которая имеется у них наготове, трут и обливают кипятком тело мертвеца таким образом, что содрав с него первую кожу, делают его таким белым, как в случае наших поваров, готовящих молочного поросенка к прожариванию.

¹⁰Тупинамба — одна из крупнейших этнических групп среди индейцев Бразилии.

После этого тот, чьим пленником он был, с помощью такого количества других мужчин, какое ему покажется нужным, возьмет это бедное тело, его разрубит и так быстро разрежет на кусочки, что нет ни одного мясника в этой стране, кто сумел бы более быстро разделить барана. Но кроме того (о чудовищная жестокость) точно так же, как наши охотники, поймав оленя, бросают собакам часть добычи, таким же образом эти варвары затем, чтобы еще больше натравить своих детей и обозлить их, беря их одного за другим, натирают им тело, руки, бедра и ноги кровью их врага. [...]

Тогда все части тела и даже внутренности, после тщательного их очищения, немедленно кладутся на *буканы*¹¹, по мере того, как все постепенно жарится, старые женщины (которые, как мною было отмечено, проявляют удивительный аппетит к человеческой плоти) группируются для того, чтобы собирать жир, стекающий вдоль больших и высоких деревянных решеток, и побуждая криками мужчин к тому, чтобы у них всегда было в достатке такое мясо, облизывают пальцы и говорят «*Yguatou*», то есть, вкусно. [...]

Когда мясо пленника или нескольких пленников (потому что они убивают иногда по два или три в один день) таким образом прожарено, все кто присутствовал на спектакле убийства вновь веселятся вокруг *буканов*, с сумасшедшим блеском в глазах разглядывая куски и части тела своих врагов. Каково бы ни было их количество, каждый по возможности прежде чем уйти оттуда, получит свой кусок. Делают они это, не потому однако, как можно было бы подумать, чтобы насытиться; так как хотя все и признают, что человеческое мясо чрезвычайно вкусное и нежное, однако, делают они это больше из мести чем из вкуса (за исключением того, что было мною сказано насчет старых женщин, испытывающих к нему пристрастие). Их главное намерение в том, чтобы преследуя врагов и обглаживая мертвых до косточек, вызвать страх и ужас живых. И в действительности для того, чтобы удовлетворить свою ненастную жестокость, все что может находиться на теле таких пленников, от кончиков пальцев до носа, ушей и верхней части головы, полностью ими съедается; за исключением все же мозгов, к которым они не притрагиваются. И к тому же, поскольку наши *тупинамба* сохраняют черепа сложенными в груды в своих селениях, как у нас можно увидеть головы мертвецов на кладбищах, первое что они делают когда французы прибывают к ним с визитом, это рассказывая о своих подвигах и показывая им трофеи в виде

¹¹Букан — решетка, на которой солилось коптилось мясо убитых охотниками буканирами животных.

этих костлявых черепов, говорят, что такая участь ожидает всех их врагов. Точно так же они заботливо сохраняют самые большие кости бедер и рук для того, чтобы (как мною было отмечено в предыдущей главе) изготовить из них дудки и флейты, как и зубы, которые они вырывают и навешивают как зерна четок, и которые носят обернутыми вокруг шеи. [...]

Что же до того или тех кто совершил эти убийства, то считая совершенное славным и почетным делом, с того самого дня, когда ими будет нанесен пленнику смертельный удар, отстранившись от остальных, они покроют глубокими надрезами грудь, руки, бедра, мягкие ткани ног, и другие части тела, но также, для того, чтобы эти надрезы сделать заметными в течение всей своей жизни, они натирают раны определенными микстурами и черной пудрой, которая никогда не стирается. Так что чем больше у них таких надрезов, тем виднее, что они убили много пленников, и, следовательно, тем больше остальные почитают в них храбрецов. [...]

Мне кажется, что сказанного достаточно для того, чтобы вселить в читателей такой ужас, что у них волосы встанут дыбом. Тем не менее, для того, чтобы те, кто прочтет об этих столь ужасных деяниях совершаемых каждый день среди варварских наций Бразилии поразмышляли также о том, что творится среди нас, то скажу, во-первых, что если хорошенько поразмыслить над тем, что вытворяют наши ростовщики (которые высасывают кровь и костный мозг и потому съедают заживо столь большое количество вдов, сирот и других бедолаг, которым лучше было бы сразу перезать горло, чем так над ними издеваться), то можно сказать, что они еще более жестоки, чем дикари, о которых я веду рассказ. [...] Не надо далеко ходить за примером, в самой Франции, не так ли? (Я сам француз и мне неприятно об этом говорить) во время кровавой трагедии, которая началась в Париже 24 августа 1572 г.¹², в каковой я не обвиняю ни в коем случае тех, кто не имеет к ней отношения, среди множества деяний, о которых и говорить гадко, имевших место тогда повсюду в королевстве, жир человеческих тел (которые намного более варварским и жестоким образом, чем у дикарей, были зарезаны в Лионе¹³, после чего, сброшенные в Сону, были извлечены оттуда) не был ли он публично продан с торгов

¹²Варфоломеевская ночь.

¹³В 1572 г. губернатор Лиона Франсуа Мандело, узнав о кровавой резне Варфоломеевской ночи в Париже, упрятал в темницу 700 протестантов с целью защитить их от преследований католиков. Несмотря на все его старания, разъяренная и обуянная кровавым помешательством толпа устроила их резню и выбросила безжизненные тела в Сону 31 августа 1572 г.

тому, кто больше заплатил? Печени, сердца и другие части тела не были ли они съедены неистовыми убийцами, от которых и ад пришел бы в ужас? Точно так же после того как некто по имени Кёр де Руа, исповедовавший реформированную религию в городе Оксер, был зверски убит, те, кто совершил это убийство, не разрезали ли они его сердце на части для того, чтобы выставить на всеобщее обозрение и продать его ненавистникам, которые в конечном счете, поджарив его на углях, удовлетворяя свою ярость как собаки, съели его? Живы еще тысячи людей, которые засвидетельствуют эти злодеяния, о которых не было слышно никогда ранее среди какого бы то ни было народа, и книги, в которых с давних пор о них напечатано, засвидетельствуют их для последующих поколений. [...]

А потому пусть же не ужасаются более отныне так сильно жестокости дикарей антропофагов, то есть поедателей людей, поскольку есть подобные им и даже более гнусные и вызывающие отвращение среди нас, они же, как было показано, бросаются с оружием в руках только на враждебные им нации, отведавшие крови их родственников, соседей и соотечественников, да и не надо ходить так далеко за примером, поскольку в их стране, а не в Америке, вершатся деяния столь же чудовищные, сколь отвратительные.

Перевод с французского языка и комментарии
к.и. н., доцента Т. Н. Гончаровой.

Сведения об авторе публикации

Гончарова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

About the editor

Goncharova Tatiana Nikolaevna — PhD in History, Assistant Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru